

Л. Хеймсон

Дорогая Валентина Георгиевна, дорогие коллеги и друзья!

Думаю, что я выражу чувства многих моих западных коллег, как присутствующих, так и отсутствующих, передав вам искреннюю благодарность за инициативу в организации этого коллоквиума, посвященного памяти покойного Валентина Семеновича Дякина. Что касается меня, то я хочу поблагодарить вас еще и за возможность поделиться моими впечатлениями о личности Валентина Семеновича, о его деятельности как историка и публициста, а также о той роли научного руководителя целого поколения специалистов по истории России начала XX в., как в России, так и за рубежом, которую он сыграл по отношению к одним – прямо, а по отношению к другим – косвенно.

Я всегда считал его (и отметил это сразу после его кончины) моим главным учителем русской истории из-за того влияния, которое он оказывал на мою архивную работу в России в течение многих лет. Он был в моих глазах образцом в определении тем и их разработке на основе исследовательской работы в архивах.

Стоило мне приехать в Петербург, и В.С.Дякин появлялся в том зале архива, где работали в советское время иностранные ученые, и после моего оформления в архиве брал меня под руку и проводил со мной часы, гуляя по коридорам, сидя в гардеробе, где мы ели свои бутерброды. В течение этих встреч мы не только без перерыва разговаривали на исторические темы, связанные с моей и его работой, но и обсуждали те вопросы, которые стали особенно для нас интересными в последнее время.

В результате разговоров с В.С.Дякиным я проводил много времени за чтением архивных материалов, которые имели лишь косвенное отношение к темам моей работы. Сам я использовал их только в заключениях обобщающего характера. Но так как и темы, и указания по использованию архивных материалов я передал своим ученикам, то в результате и у В.С.Дякина появился целый ряд аме-

риканских учеников, которые под его влиянием написали крупные исторические работы.

На основе этого непрерывного нашего с ним контакта, который продолжался до конца его жизни (перед самой его смертью я в последний раз провел вечер с ним и Валентиной Георгиевной), я считаю себя вправе отметить те черты его характера и его деятельности, которые мне больше всего импонировали. Из моих впечатлений о нем наиболее поразительным для меня самого является представление о нем как о личности, которая не принадлежала к нашему миру, не родилась и не формировалась в нем, а появилась с другой планеты. В течение моей жизни мне только однажды удалось встретиться с человеком, который произвел на меня похожее впечатление. Это был английский философ Уайтхед (Whitehead), с которым я встретился в моей молодости (ему в то время было около восьмидесяти лет). Вряд ли необходимо отмечать разницу между ними, которая заключалась в том, что Уайтхеду не пришлось провести почти всю свою жизнь при советской власти.

Насколько я знаю, советская власть не преследовала активно Валентина в течение его жизни, но она контролировала и постоянно ограничивала его научную работу, включая число страниц, которые отводились для публикации его работ. Со своей стороны, он так ненавидел советскую власть, что после провала в 1966 г. наших планов организовать конференцию в связи с собранием Американской исторической ассоциации, на которой он должен был выступать (и для которой он купил себе шесть белых рубашек), он постоянно отказывался от такого рода приглашений. Как он мне объяснил, он отказывался от них не только из-за плохого состояния здоровья, но и потому, что он стал испытывать отвращение к заполнению анкет, которые требовались для выезда за границу.

В.С.Дякин не скрывал от друзей своих политических симпатий. Можно утверждать, что он считал себя либералом, симпатизировал западничеству, но не относился пренебрежительно и к славянофильству. Обращаясь к прошлому, он говорил, что симпатизирует кадетской партии, имея в виду кадетов 1905–1906 гг., поскольку считал, что

после этого кадеты больше не имели реальных политических перспектив и не заслуживали их.

Впрочем, политические симпатии В.С.Дякина имели весьма слабое отношение к характеру его научной деятельности. Ее достоинства из-за различных ограничений лишь частично отражены в его публикациях. Главным из них было удивительное чутье в определении наиболее важных тем русской истории, а также – и в этом в значительной мере заключался ключ к его успехам – в разыскании источников, в первую очередь до тех пор не использованных архивных материалов, на которых и основывалось исследование избранных им тем. Темы, им избранные, возникали у него не в атмосфере абстрактного теоретизирования, а всегда в связи с определенным им кругом источников.

Боюсь, что я говорю об общих чертах петербургской исторической школы, но ведь В.С.Дякин был одним из наиболее ярких и талантливых ее представителей. Вам трудно представить себе, насколько эти его качества импонировали западному историку, который до тех пор не имел возможности работать в российских архивах.

Еще несколько слов по поводу двух качеств нашего покойного друга. Во-первых, надо отметить как широту его научных интересов, частично отраженную в работах его учеников, так и необычный для советского историка характер некоторых из этих интересов. Я имею в виду религиозный и национальный вопросы в правительственной политике. Последнее наблюдение имеет в наибольшей мере личный характер. Я имею в виду продемонстрированную им во время наших встреч, дискуссий на коллоквиумах и т.п. удивительную способность часто с полуслова понимать суть концепций современной западной историографии и использовать это в ходе дискуссий. Для этого выдающегося человека, родившегося, как мне казалось, в другом мире, моментальное понимание сути западных концепций было не труднее, чем тех течений в русской историографии, с которыми он встречался на протяжении своей научной деятельности. В этом отношении железного занавеса и других барьеров для него не существовало.